

Сергий (Ляпидевский), митр. Московский. О трудностях пастырского служения: [Из лекций по пастырскому богословию] // Богословский вестник 1900. Т. 3. № 10. С. 221–243 (2-я пагин.). (Продолжение.)

О ТРУДНОСТЯХЪ ПАСТЫРСКАГО СЛУЖЕНІЯ.

1) Первое затрудненіе, какое можетъ встрѣтить пастырь на поприщѣ своего служенія, заключается въ немъ самомъ. Главное здѣсь то, что пастырь хотя далеко превознесень предъ остальными членами общества по своему призванію и освященію, но по природѣ своей онъ такой же человѣкъ какъ и они. „*Возстани, и азъ самъ человекъ есмь*“,—говоритъ ап. Петръ Корнелію, который униженно повергся къ ногамъ его. Можно подумать, и не безъ основанія, что здѣсь говорить голосъ смиренія; но отъ этого случая въ жизни ап. Петра не на далекое пространство надобно обратиться назадъ, чтобы видѣть въ Петрѣ и полнаго истинной ревности и любви апостола и вмѣстѣ немоцнаго человѣка. Намъ скажутъ, что онъ былъ немоцень лишь до тѣхъ поръ, пока не укрѣпленъ былъ Духомъ благодати: однакоже нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и послѣ, какъ онъ былъ укрѣпленъ Св. Духомъ, онъ остался человѣкомъ,—а пока остается человѣческая природа въ ея земномъ состояніи, съ нею неразлучно пребываютъ и ея прирожденныя немощи. Ап. Петръ былъ уже полный сосудъ благодати, а ап. Павелъ замѣчаетъ въ отношеніи къ нему: „*въ лице противостахъ ему, яко зазорень бѣ*“ Какъ могло бы быть сказано сіе о пастырѣ, которому Самъ Спаситель поручилъ пасти своихъ агнцевъ, если бы въ этомъ пастырѣ не оставалось ничего человѣческаго, никакой немощи плоти и духа, если бы онъ не могъ подпасть ни ошибкѣ въ мысляхъ, ни неосторожности въ дѣйствіяхъ? Кто не знаетъ, что благодать Божія, освящая и укрѣпляя природу человѣческую, не претворяетъ ея,—и если съ одной стороны трудно положить разграниченіе между дѣйст-

віями свободы и благодати въ одномъ и томъ же человѣкѣ, указать, гдѣ оставляютъ человѣка его собственныя силы и гдѣ остается одно небесное вліяніе; то съ другой стороны трудно не замѣтить въ самомъ избранномъ сосудѣ благодати дѣйствій чисто человѣческихъ, слѣдовъ помощи и ограниченности человѣческой. Поэтому-то, конечно, и лучшіе изъ избранныхъ Божіихъ всегда сознавались въ своей помощи и желали посторонней помощи. Вождь народа Божія Моисей, предвидя тяжесть своего служенія вопіялъ къ Богу: „*Избери могущаго иного*“,—и когда ходатайствовалъ за народъ Божій о побѣдѣ надъ Амаликомъ, принялъ постороннюю помощь для ослабѣвающихъ рукъ своихъ, дабы побѣда не осталась на сторонѣ враговъ. Его ослабѣвшія въ молитвѣ руки не напоминаютъ ли и нынѣ пастырю о томъ, чтобы онъ менѣе надѣялся на свои силы и при содѣйствіи свыше не забывалъ о естественной помощи своей? Ап. Павелъ, сосудъ преисполненный благодатію, не избѣжалъ неприятности и скуки отъ „пакостника плоти“, и хотя не неоднократно Господа молилъ объ освобожденіи отъ него, но не получилъ желаемого. Это и было причиною, что онъ не престаивалъ умолять христіанъ о ходатайственной за него молитвѣ къ Богу: ибо онъ столько же надѣялся на силу благодати и на милосердіе Божіе, сколько памятовалъ немощь собственной плоти и необходимость молитвенной помощи отъ ближнихъ. Подобно этимъ посланникамъ Божіимъ и всѣ великіе пастыри Церкви сознавали свою немощь и искали помощи у другихъ. „Умоляю васъ, святѣйшія братія,—говоритъ св. Григорій Двоесловъ, обращаясь къ первостоятелямъ Церкви вселенской,—вспомооществуйте мнѣ изнемогающему подъ бременемъ пастырскаго служенія, молитвеннымъ своимъ ходатайствомъ, дабы принятое мною бремя не отяготило меня сверхъ силъ моихъ“. Если же теперь великіе пастыри Церкви Христовой, не смотря на то, что сугубо обогащены были дарами благодати, не престаивали исповѣдывать свою естественную немощь и находили въ ней постоянное и немаловажное затрудненіе при исполненіи своихъ обязанностей; что же сказать о тѣхъ обыкновенныхъ служителяхъ благодати Божіей, которые по своему внутреннему состоянію не могутъ вмѣстить полноты силъ и даровъ благодатныхъ, но на которыхъ однакоже вмѣстѣ съ даромъ

священства уже возложена полнота обязанностей пастырскаго званія. Жизнь человѣческая вообще есть борьба, жизнь добродѣтельная еще больше борьба, жизнь пастыря сугубая брань. Въ человѣкѣ естественномъ борется начало жизни съ началомъ тлѣнія и разрушенія; въ человѣкѣ духовномъ—начало добра съ навыкомъ злымъ, жизнь нравственная съ грѣховною плотскою; но священникъ кромѣ того долженъ ратоборствовать еще за спасеніе ближнихъ противъ безчисленныхъ случаевъ къ ихъ гибели. Какъ человѣкъ, онъ чувствуетъ въ себѣ брань духа и плоти, чувствуетъ всю важность обязанности обратить вниманіе на свое внутреннее состояніе; но какъ воинъ Царя Небеснаго, какъ стражъ дому Израилева, онъ помнитъ свою обязанность ополчиться на брань за спасеніе ближнихъ, на брань противъ зла разливагося въ міръ, противъ невѣжества, въ которомъ еще погрязаютъ многіе изъ насомыхъ, противъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ препятствій, угрожающихъ успѣху его служенія. Онъ видитъ то и другое, и теряется въ недоумѣніи, съ чего начать, куда обратить болѣе вниманія, труда, усилія, терпѣнія. Если онъ по чувству само-сохраненія будетъ болѣе пецись о благоустройствѣ собственной души: онъ опасается, какъ-бы не подвергнуться отвѣтственности за перадѣіе или недостаточное попененіе о спасеніи ближнихъ. Если онъ свое время и весь свой трудъ отдастъ духовному благосостоянію ближнихъ; онъ приходитъ въ новое опасеніе, какъ-бы, инымъ проповѣдуя, самому не остаться неключимымъ. Онъ ищетъ правильной мѣры, чтобы вѣрнѣе раздѣлить между различными обязанностями свое время и вниманіе, чтобы не теряя изъ виду себя, не оставить безъ вниманія другихъ; но сколько нужно благоразумія для того, чтобы постановить эту мѣру, если отъ пастыря требуется такая любовь къ стаду, по которой онъ былъ бы готовъ принести на жертву ближнимъ все свое благосостояніе, свою жизнь, свое даже спасеніе. „Священникъ, разсуждаетъ св. Златоустъ, долженъ быть всегда трезвенъ, дальновиденъ, долженъ смотрѣть тысячію глазъ; потому что живетъ не для себя одного, а для множества людей. Не упоминай мнѣ ни о пощеніи, ни о ночномъ бодрствованіи, ни о жестокомъ ложѣ, ни о другихъ изуреніяхъ тѣлесныхъ. Все сіе можетъ быть весьма полезно человѣку, заключив-

немуся въ тѣсной келіи и все попеченіе ограничившему самимъ собою. Но кто раздѣлитъ себя на такое множество народа и взялъ на себя столько различныхъ заботъ, сколько у него подчиненныхъ: тотъ можетъ ли истинно споспѣшествовать благу ихъ, если не будетъ имѣть души крѣпкой и мужественной“. Въ приведенныхъ словахъ Вселенскій Учитель очевидно указываетъ на тѣ подвиги и труды, которые каждый христіанинъ можетъ принимать на себя для своего нравственнаго совершенства, — и однакоже признаетъ ихъ недостаточными для священника, который долженъ быть не только самъ совершеннымъ христіаниномъ, но и вести другихъ къ совершенству. Теперь, если великаго стоитъ труда содѣлаться и быть добрымъ христіаниномъ, то какія пужны усилія, чтобы быть исправнымъ и совершеннымъ пастыремъ Церкви? Трудно возобладать надъ собою и покорить свою волю въ послушаніе Христова: по сколько нужно труда, чтобы пріобрѣсти власть надъ умомъ и свободою другихъ и уловить всѣхъ въ царство благодати, а потомъ и славы? Весь трудъ собственнаго самоисправленія, къ которому обязывается каждый христіанинъ, покажется слишкомъ малымъ, если сравнить съ тѣмъ обширнымъ и тяжелымъ подвигомъ, къ которому призывается пастырь Церкви. Чтобы показать это, св. Златоустъ сравниваетъ жизнь инока съ жизнью священника и между прочимъ говоритъ: „Великъ подвигъ иноковъ, великъ и трудъ. Но если кто сравнитъ труды иноческіе съ трудами должности священнической хорошо управляемой, тотъ найдетъ такое же различіе между ними, какое находится между простолюдиномъ и царемъ. Не удивительно то, что инокъ, находясь одинъ съ самимъ собою, не возмущается и не впадаетъ во многіе тяжкіе грѣхи. Ибо онъ удаленъ отъ предметовъ, уязвляющихъ и возмущающихъ душу. Не должно удивляться, если кто во время сна не грѣшилъ, не ратоборствуя не падалъ, не сражаясь не былъ раненъ. Но когда тотъ, кто посвятилъ себя на служеніе цѣлому народу, и принужденъ нести грѣхи множества людей, пребудетъ непоколебимъ и твердъ, въ бурное время управляя душою, какъ бы во время тишины; таковой по справедливости достоинъ всеобщихъ рукоплесканій и удивленія. Ибо онъ представляетъ неоспоримое доказательство мужества своего“. Такимъ образомъ трудъ благо-

устройства собственной души для священника становится болѣе тягостнымъ, нежели для кого-нибудь изъ его пасомыхъ. Эта положеніе дѣла нерѣдко приводитъ въ затрудненіе и самыхъ опытныхъ на поприщѣ своего служенія пастырей: ибо какъ между начальниками вообще часто видимъ, что многіе изъ нихъ прекрасно умѣютъ управлять подчиненными, но еще не стяжали искусства господствовать надъ собою; такъ и между пастырями встрѣчаются такіе, которые умѣютъ править словомъ истины, хорошо исполняютъ всѣ части пастырскаго служенія, но сами въ тоже время сознаются, что они еще не совсѣмъ покорили духу своего ветхаго человѣка, не возобладали надъ своею долунреклоненною природою. Какой же бдительности и тщательности требуетъ эта внутренняя борьба съ собою отъ тѣхъ пастырей, которые принимаютъ на себя иго пастырскаго служенія, не испытавъ еще хорошо силу своихъ на поприщѣ жизни христіанской, не обрѣтши мудрой осторожности въ дѣйствіяхъ, чуждые предусмотрительности, на пути исполненномъ преткповеній! Скажутъ, что тамъ, гдѣ недостаетъ опытности, помогаетъ наука. Это правда, но не въ томъ отношеніи, чтобы при посредствѣ науки могъ возобладать надъ влеченіями своей грѣховной природы тотъ, кто мало прилагаетъ дѣятельнаго труда къ самоисправленію. Наука показываетъ отклоненія жизни и дѣятельности отъ прямого пути, раскрываетъ образъ истиннаго пастыря; но идти прямымъ путемъ, стремиться къ указанному совершенству,—предоставляетъ собственному труду каждаго. Пока трудъ этотъ еще не выполненъ, до тѣхъ поръ пастырь еще не приобрѣлъ побѣды надъ своею грѣховною природою, и дѣло его служенія столько же остается затруднительнымъ, сколько мало обѣщаетъ успѣха. Св. Григорій Богословъ, въ защитительной рѣчи своей, упомянувъ о томъ, сколь много крѣпкихъ силъ и великихъ усилій требуетъ отъ пастыря угрожающая ему виѣшняя брань со врагами вѣры и Церкви, не забываетъ и о внутренней брани, возникающей въ самомъ пастырѣ, и такъ изображаетъ ея многосложность и затруднительность: „не говорю еще о брани внутренней, которая въ насъ самихъ, въ нашихъ страстяхъ, и которую воздвигаютъ на насъ день и ночь, то явно, то тайно, сіе тѣло смиренія, и разсѣянность жизни, мятущая и возмущающая насъ посред-

ствомъ чувственности и временныхъ удовольствій, и грязь персти, съ которою мы смѣшаны, и законъ грѣховный, воюющей противъ закона духовнаго, и усиливающейся растлѣть въ насъ царскій образъ и все, что съ нимъ вложено въ насъ Божественнаго по происхожденію. Почему едвали кто въ состояніи преодолѣть влекущее долу естество, развѣ уже обучилъ себя долговременнымъ любомудріемъ и постепенно отторгалъ отъ низкаго и сопряженнаго съ тьмою, что есть въ душѣ благороднаго и свѣтовиднаго, или удостоился милости Божіей, или сверхъ того и другаго прилагалъ всевозможное стараніе вознести свой взоръ горѣ. Но пока не препобѣждена по возможности персть, пока не очищенъ умъ, пока далеко не превосхожу другихъ близостію къ Богу; не безопаснымъ признаю принять на себя попеченіе о душахъ и посредничество между Богомъ и человѣками,—что составляетъ долгъ іерея“.—Разсуждая о естественной немощи самихъ пастырей, мы остаемся, впрочемъ, далекими отъ того заключенія, чтобы уже по причинѣ своей немощи никто не могъ принять на себя бремена пастырскаго служенія: ибо не ложно священное слово, что „сила Божія въ немощи совершается“. Но послѣку вообще благодать дѣйствуетъ въ насъ не безъ насъ: то нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что благодать священства по той мѣрѣ можетъ быть дѣйствительною въ пастырѣ, какъ онъ самъ старается исторгать изъ своей души тѣ грѣховныя наросты, которые, по своему свойству, прямо противоположны вліяніямъ благодати и удерживаютъ ея дѣйственность въ свободной душѣ. А такое внутреннее очищеніе не можетъ быть совершенно безъ труда,—и трудъ самоисправленія есть первый, какой требуется отъ пастыря Церкви. Ибо для того, чтобы быть живымъ проводникомъ благодати, нужно быть достойнымъ ея пріемникомъ.

2) Отъ естественныхъ немощей, которыя должны преодолѣвать въ себѣ самихъ пастыри, обратимся къ обязанностямъ, какія лежатъ на нихъ и требуютъ полнаго ихъ вниманія. Прежде всего обратимъ взоръ на предметъ и цѣль ихъ трудовъ, а потомъ и на тѣ главныя обязанности, исполненіе которыхъ ведетъ къ цѣли ихъ служенія. Пастыри церкви именуются земледѣлателями. Трудно воздѣлывать землю добрую и благодарную, такъ что въ потѣ лица своего снѣдаетъ хлѣбъ даже и тотъ счастливый земледѣлецъ,

на нивѣ котораго сторицею оплодотворяется брошенное сѣмя. На какой же, спрашивается, землѣ должны сѣять труды свои пастыри Церкви? Сказано было первому въ мірѣ земледѣлателью, что земля, надѣ въздѣлываніемъ которой будетъ трудиться онъ, *терніе и волчцы произрастятъ* ему. Но за какую вину пало проклятiе на землю? За дѣла человѣческія, за то, что на нивѣ сердца человѣческаго первоначально произрастали терніе и волчцы. А эта-то испорченная нива и есть тотъ удѣлъ, который въздѣлывать призываются всѣ пастыри Церкви, какъ духовные земледѣлатели. Если теперь трудно въздѣлывать землю, даже и добрую; то какого стоитъ труда исправить и оплодотворить сердце поврежденное и поросшее плевелами заблужденій и порока? Для всякой земли есть время, въ которое она отдыхаетъ, собирается съ силами къ новому плодоношенію, и если въ это время не растутъ на ней сѣмена добрыя, то по крайней мѣрѣ не проторгаются и плевелы; но для поврежденнаго грѣхомъ сердца нѣтъ времени, когда бы изъ него не могли проторгнуться плевелы злыхъ помысловъ, желаній и намѣреній. Земледѣлатель естественный можетъ еще найти землю чистую и плодоносную, способную принять и произрасти всякое доброе сѣмя; земледѣлатель духовный всегда приходитъ на ниву, уже засѣянную и поросшую злыми сѣменами,—и надобно приписать особенному вліянію Духа благодати, если эта дикая, покрытая терніемъ нива будетъ очищена трудами земледѣлателя и изъ безплодной и сухой скоро содѣлается доброю и благоплодною. „Правда,—говоритъ аллегорически св. Григорій Богословъ,—лучше идти по гладкой и битой дорогѣ, нежели по шероховатой и непротопанной, и легче пахать землю, которую неоднократно рѣзали и умягчали плугъ: однакоже лучшее писать на душѣ, которую не изборозило еще негодное ученіе, и на которой не врѣзались еще глубоко начертанія пороковъ. Иначе благочестивому красношеницу два будутъ дѣла—изгладить прежнія изображенія, и на мѣсто ихъ написать лучшія и достойныя сохраненія,—а это именно неизбѣжно для того, кому ввѣрено дѣководительство душъ и попеченіе о нихъ“. Дѣла пастырямъ принадлежитъ имя и значеніе родителей, отражающихъ въ жизнь духовную. Состояніе сколько угѣшительное, столько и затруднительное. Прав-

да, по слову Христову, *жены, егда родитъ отроча къ тому не помнитъ скорби за радость, яко родися человекъ въ мѣръ*: по чего стоитъ ей эта радость, послѣ того какъ въ лицѣ прародительницы ей сказано: *въ болѣзньхъ родиши чада твоя*. Съ какими скорбями въ мѣръ могутъ сравняться болѣзни чадорожденія? Точно также, когда раждается человекъ въ мѣръ богатый и духовный, радость о его рожденіи бываетъ столь велика, что начинаясь въ пастырѣ, возродившемъ его, проникаетъ въ самое небо, гдѣ и самые ангелы радуются о елипомъ грѣшникѣ кающемся. Но цѣною какихъ трудовъ и скорбей окунается рожденіе и воспитаніе чады въ жизнь богатую и вѣчноблаженную? Цѣною скорбей, не меньшихъ, какъ и скорби дѣторожденія. Мено показать это ап. Павелъ, когда успія свои возвратитъ снова къ жизни богатой отпадшихъ отъ нея Галатовъ называетъ болѣзнями рожденія: *„чадца моя, или паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ“*.—Еще, самое имя пастыря, указывая на сущность служенія пастырскаго, объясняетъ вмѣсть и величайшую трудность этого служенія. Если мы буквально будемъ понимать это наименованіе, то по нашимъ понятіямъ оно не многотрудную предполагаетъ должность; но не такъ это было тамъ, откуда оно первоначально заимствовано. Патриархъ Іаковъ, желая показать тестю своему Лавану весь трудъ, какой подъялъ въ двадцатилѣтнее пребываніе у него въ домѣ, упоминаетъ только о томъ, что тщательно исполнять должность пастыря всѣхъ стадъ Лавановыхъ. Въ чемъ же именно заключался трудъ? Это изъясняетъ самъ Іаковъ. *Быхъ, говоритъ онъ, во дни жегомъ зноемъ и студенію въ нощи, и отхождаше сонъ отъ очю моею*. Умѣренныя страны не представляютъ всей трудности пастырскаго дѣла: здѣсь и дни прохладны, и ночи теплы. Не то въ странахъ жаркихъ: тамъ зной дневной, отъ котораго нѣтъ покоя существу живому, смѣняется сырмъ холодомъ ночнымъ, врагомъ сна и другомъ болѣзней. Какое же пужно терпѣніе пасты стадо въ такой странѣ? А для пастырей словеснаго стада весь мѣръ,—такая опасная страна: то зной страстей не даетъ имъ покоя, то холодность къ дѣламъ благочестія требуетъ ихъ полнаго усердія и ревности. Кромѣ того, самая цѣль пастыря стады безсловесныхъ на безконечное разстояніе ниже цѣли, какую имѣеть въ виду пастырь словеснаго

стада. Тамъ поддержаніе жизни физической въ безсловесныхъ составляетъ всю заботу ихъ пастыря, который ведетъ ихъ на пажить, не боясь ихъ неповиновенія: здѣсь цѣлю поставляется вѣчное спасеніе пасомыхъ, которое тѣмъ бываетъ затруднительнѣе, чѣмъ менѣе заботятся о немъ самые пасомые, чѣмъ болѣе употребляютъ лукавства, чтобы избѣжать строгаго надзора своего пастыря и съ большею свободою предаться влеченію своихъ грѣховныхъ навыковъ. „Не думаю, разсуждаетъ св. Григорій Богословъ, чтобы одно и то же значило водить стадо овецъ и управлять человѣческими душами. Тамъ достаточно и того, чтобы овцы содѣлались тучными. А для сего нужно только выбирать мѣста, обильныя водой и злачныя, перегонять стада съ одного пастбища на другое и давать имъ отдыхъ. Но человѣку, который съ трудомъ умѣетъ быть подъ начальствомъ, еще гораздо труднѣе умѣетъ начальствовать надъ людьми, особенно имѣть такое начальство, какъ наше, которое основывается на Божіемъ законѣ и возводитъ къ Богу, въ которомъ чѣмъ больше высоты и достоинства, тѣмъ больше опасности даже для имѣющаго умъ. Положимъ даже, что шой непороченъ и взощель на самый верхъ добродѣтели; все еще я не вижу, какимъ запаснись знаніемъ, на какую понадѣявшисъ силу, отважится онъ на такое начальство. Ибо править человѣкомъ,—самымъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ,—по моему мнѣнію, дѣйствительно есть искусство изъ искусствъ, и наука изъ наукъ“.—Наконецъ, приведемъ и разберемъ еще одно названіе, которое усвоится пастырямъ Церкви, и которое показываетъ всю многосложность и трудность обязанностей, на нихъ возлагаемыхъ. Онѣ называются духовными врачами. Все человѣчество есть одно больное тѣло, зараженное ядомъ и покрытое струпами грѣха. Нужны врачи, которые бы обвязывали и заживляли раны, ослабляли силу яда, принятаго внутрь. Правда, къ больному человечеству сошелъ на землю Небесный врачъ душъ и тѣлесъ. Но такъ какъ Ему угодно было, чтобы чрезвычайныя средства противъ нравственныхъ болѣзней, Имъ установленныя, прилагаемы были къ каждому больному человѣку по обыкновенному порядку врачеванія; то и нужны сдѣлались врачи, которые бы сами знали спасительныя средства и употребляли ихъ ко благу и спасенію ближнихъ. Эти-то врачи, над-

зору и попеченію которыхъ ввѣрены болѣзни человѣчества, и суть пастыри Церкви. Сколь важна и трудна наука духовнаго врачеванія, объ этомъ подробно разсуждаетъ св. Григорій Богословъ. Соберемъ здѣсь нѣкоторыя болѣе разительныя черты, изображающія трудность духовнаго врачеванія. „Если сравнить врачеваніе души съ леченіемъ тѣла, то всякій можетъ удостовѣриться, сколько первое труднѣе послѣдняго, и по свойству врачуемаго, и по силѣ знанія, и по цѣли врачеванія. Одно трудится надъ тѣлами, надъ веществомъ бrenнымъ и стремящимся долу, надъ веществомъ, которое непременно разрушится и подвергнется своей участи, хотя теперь, съ помощію искусства, и преодолѣется происшедшее въ немъ разстройство. А другое печется о душѣ, которая произошла отъ Бога и божественна, которая причастна горняго благородства и къ нему поспѣшаетъ, хотя и сопряжена съ худшимъ. Врачующій тѣло принимаетъ во вниманіе мѣсто, случай, возрастъ, время года и тому подобное, даетъ лекарства, предписываетъ образъ жизни, предостерегаетъ отъ вреднаго, чтобы прихоти большого не воспренятствовали искусству; иногда же, когда и надъ кѣмъ цужпо, употребляетъ прижиганіе, рѣзаніе и другіе болѣе жестокіе способы леченія. Хотя все сіе оказывается очень труднымъ и тяжелымъ, однакоже не столько, какъ наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведеніе, свободное произволеніе и все въ насъ тому подобное, исторгать, что приросло къ намъ звѣрскаго и дикаго, а на мѣсто сего вводить и укоренять все, что есть кроткаго и благороднаго, устанавливать надлежащее отношеніе между душою и тѣломъ, не попуская, чтобы лучшее управлялось худшимъ, но низшее по природѣ подчиняя начальственному и владычественному, какъ требуетъ Божій законъ, прекрасно постановленный для видимаго и сверхчувственнаго. Врачи тѣла должны переносить извѣстные труды, бдѣнія и заботы и какъ сказалъ одинъ изъ ихъ мудрецовъ, изъ чужихъ несчастій собирать себѣ скорби; иное дознавая и изобрѣтая сами, иное замѣтуя и собирая у другихъ, они должны обращать это въ пользу требующихъ, и что ими найдено или изобрѣтено, для ихъ немаловажно, но признается имѣющимъ силу къ укрѣпленію здоровья или къ отвращенію опасности. И для чего же все сіе? Чтобы прожить больше

человѣкъ, быть можетъ, даже бесполезный для общества. Но намъ, когда мы въ опасности утратить спасеніе души, души блаженной и безсмертной, которая будетъ вѣчно или наказываема за порочность или прославляема за добродѣтель,—какой предложить подвигъ и какія нужны свѣдѣнія, чтобы хорошо и другихъ уврачевать и самимъ уврачеваться, чтобы исправить образъ жизни и переть покорить духу? Ибо неодинаковыя понятія и стремленія у мужчинъ и женщинъ, у старости и юности, у нищеты и богатства, у веселаго и печальнаго, у больнаго и здороваго, у начальниковъ и подчиненныхъ, у мудрыхъ и повѣждъ, у робкихъ и смѣлыхъ, у гнѣпныхъ и у кроткихъ, у стоящихъ твердо и падающихъ. Вотъ главнѣйшія причины, отъ чего врачеваніе духовное бываетъ особенно затруднительно. Такъ какъ врачеваніе это проявляется въ трехъ видахъ пастырскаго служенія—въ словѣ, тайнодѣйствіяхъ и въ управленіи; то мы бросимъ теперь взглядъ на трудность этихъ главныхъ пастырскихъ обязанностей.

а) Отъ пастыря прежде всего ожидаютъ пасомые слова истины и назиданія. Обыкновенно говорятъ, что жить добродѣтельно есть дѣло для всѣхъ трудное, а учить другихъ добродѣтели легко. Согласенъ, что это замѣчаніе вообще и справедливо; но отъ этого такъ же не уменьшается трудъ духовнаго учительства, какъ не дѣлается болѣе тяжелымъ подвигъ жизни добродѣтельной. Пусть учить благочестію легче, чѣмъ жить благочестиво; но отъ этого трудъ перваго дѣла не становится совершенно легкимъ. Конечно, сказать нѣсколько общихъ нравственныхъ сентенцій столько же легко для наставника, сколько, быть можетъ, бесполезно для наставляемыхъ; но мы отнюдь не то разумѣемъ подъ духовнымъ учительствомъ. Пастырь Церкви есть отецъ обширнаго семейства, который самъ занимается духовнымъ образованіемъ всѣхъ дѣтей своихъ и который не долженъ останавливаться на нѣсколькихъ переданныхъ истинахъ, но обязанъ въ каждомъ, по мѣрѣ удобства и пріемлемости, насадить и возрастить сѣмена вѣры, раскрыть правила нравственности, утвердить добрыя навыки, ослабить, если не искоренить, силу зла и порока. Очевидно, обязанность эта будетъ для него тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ члены его паствы разнообразнѣе и дальше другъ отъ друга по своему нравствен-

тому состоянію. „Трудно, замѣчаетъ св. Григорій Богословъ бесѣдующему о священныя предметахъ, особенно въ многочисленномъ собраніи людей всякаго возраста и разныхъ способностей, которое подобно многострунному органу, требуетъ неодинаковыхъ удареній, трудно, говорю, найдти слово, которое бы всѣхъ назидало и озаряло свѣтомъ вѣдѣнія“. Было бы бесплодно, еслибы пастырь безъ разбору сталъ повторять одному то, что полезно другому. Надобно, чтобы ученіе его принимало столь же различныя виды, сколько есть различныхъ характеровъ въ его паствѣ. Ибо что для однихъ служить предметомъ назиданія, то для другихъ дѣлается предметомъ соблазна. Надъ умами острыми и просвѣщенными пастырь, какъ орелъ, долженъ парить на высотѣ мысли и слова; для дѣтей по духу онъ обязанъ представлять и себя какъ бы учащимся отрокомъ, дабы терпѣливымъ повтореніемъ одного и того же утвердить въ нихъ начала истины вѣры. А сколько еще потребно искусства, терпѣнія, осторожности, чтобы приспособить слово къ обстоятельствамъ времени: ибо не все полезно и даже позволительно во всякое время. „Какъ скоро начинаю я размышлять, говоритъ Григорій Двоесловъ,—объ обязанности пастыря, когда т. е. онъ долженъ говорить, и когда молчать: то съ трепетомъ усматриваю, сколь необходимо ему стараться о томъ, дабы разборчивымъ быть въ молчаніи и назидательнымъ въ словѣ, дабы не сказать того, о чемъ нужно умолчать, и не умолчать того, о чемъ нужно сказать. Ибо какъ неосторожная говорливость приводитъ къ заблужденію, такъ и неразборчивое молчаніе оставляетъ въ заблужденіи тѣхъ, которые могли бы принять вразумленіе“. Конечно, всѣ труды, подъемлемые при проповѣданіи слова, показались бы для пастыря не столько трудными, еслибы постъ каждой проповѣди, послѣ каждаго назидательнаго разговора или нравственнаго наставленія, онъ могъ оставаться въ несомнѣнной увѣренности, что сѣмя, брошенное имъ въ сердце, произраститъ духовный плодъ, по роду своему. Тщетная надежда! Пастырь не столько принужденъ бываетъ заботиться о томъ, чтобы слово его было со вниманіемъ принято, сколько о томъ, чтобы не было забыто и не осталось безъ плода. Не должно думать, чтобы опредѣляемо было на жертву забвенію только слабое слово слабого пастыря; па-

противъ большую частію такъ бываетъ, что самое убѣдительное слово забывается прежде, чѣмъ успѣють возрасти плоды убѣжденій. Ясно, что пастырю здѣсь открывается поводъ къ новой борьбѣ, чтобы пресѣчь причины безуцѣльности своего слова въ самомъ ихъ началѣ. Съ кѣмъ же опять долженъ онъ начать эту борьбу свою? Съ тою же природою человѣческою, которую преобразовать и возвести къ совершенству есть долгъ духовнаго учительства. Каждый изъ пасомыхъ волею или неволею сознается, что въ себѣ самомъ носить нѣкоторое тайное отвращеніе къ наставленіямъ духовнымъ,—отвращеніе, которое очень просто и естественно объясняется прирожденнымъ каждому желаніемъ жить не по правиламъ духа, а по влеченіямъ плоти. Противъ этихъ-то влеченій пастырь долженъ бороться, чтобы дать свободу и многоплодность своему слову. „Много труда предстоитъ священнику, восклицаетъ св. Златоустъ. Онъ скажетъ тебѣ: не закрывай сокровищницы своей отъ бѣдныхъ, тебѣ кажется, что онъ сказалъ нѣчто неудобноисполнимое; будешь совѣтовать тебѣ: укроти гнѣвъ, обуздай похоть, отѣкни прихоти, тебѣ и все это кажется скучнымъ и тяжелымъ“. Если случится, что пастырь послѣ долгихъ трудовъ преодолѣетъ въ нѣкоторыхъ изъ своей паствы эту тайную грѣхолобивую нелюбовь къ наставленіямъ въ вѣрѣ и нравственности; если онъ уже подумаетъ, что содѣлать землю плодородною, приготовить ее къ принятію и произращенію добрыхъ сѣмянъ: онъ, чтобы не обмануться въ своихъ ожиданіяхъ, долженъ запастись новымъ терпѣніемъ, самъ приготовиться къ новымъ трудамъ. Нужды жизни временной и пристрастіе къ благамъ житейскимъ,—вотъ новыя обстоятельства, которыя поглощаютъ все вниманіе и усердіе пасомыхъ, оставляя въ нихъ для слова назиданія и спасенія лишь только вѣншиій слухъ. Нужна со стороны пастыря неунынная бдительность, благовременная и безвременная настойчивость, чтобы отклонить пасомыхъ отъ излишней и вредной заботливости о временной жизни и остановить духовный взоръ ихъ на благахъ жизни вѣчной. „Изъ подчиненныхъ священнику, разсуждаетъ св. Златоустъ, большая часть ѣтънена заботами житейскими, отчего охлаждается расположеніе упражняться въ дѣлахъ духовныхъ. Обильное богатство, обширность власти и нерадѣніе, происходящее отъ роскошной

жизни и многія другія тернія подавляютъ посѣяныя на-
стыремъ сѣмена; а часто густота терній не допускаетъ пасты
сѣменамъ даже и на поверхность земли. Съ другой стороны,
жестокость несчастія, нужда бѣдности, непрестанныя при-
тѣсненія отнимаютъ охоту заниматься божественными пред-
метами. Посему учитель долженъ, такъ сказать, каждодневно
сѣять, дабы слово ученія, по крайней мѣрѣ, сею непрерыв-
ностію могло удерживаться въ слушателяхъ.—Но и помимо
этихъ важнѣйшихъ сколько есть еще другихъ частныхъ
препятствій къ тому, чтобы слово пастыря приносило желае-
мый плодъ въ сердцахъ слушателей,—и конечно всѣ подоб-
ныя препятствія требуютъ полнаго вниманія, усилій и осто-
рожности со стороны пастыря, чтобы зло погашено было
еще въ началѣ, пока оно не повредило успѣху его про-
повѣди.

б) Далѣе, въ строительствѣ таинъ Божіихъ пастыри Церкви
также встрѣчаютъ не мало труда. Правда, совершеніе таинствъ
и священнослуженій по установленному чину и порядку не
представляетъ особенныхъ затрудненій. Но какъ нерѣдко слу-
чается, что тѣмъ дѣло легче, тѣмъ легче впасть въ погрѣш-
ность. Между тѣмъ шидѣ неосторожность, даже совершенно
внезапная, не представляется столь предосудительною и
важною, какъ въ таинодѣйствіяхъ. Здѣсь каждое даже ма-
лѣйшее отступленіе извращаетъ порядокъ важнѣйшаго Бо-
гоучрежденнаго дѣла. Потому тѣмъ болѣе требуется отъ
совершителя таинъ внимательности и осмотрительности,
тѣмъ важнѣе совершеніе таинъ всѣхъ прочихъ видовъ его
служенія, и тѣмъ труднѣе поддерживать внимательность къ
сему дѣлу, тѣмъ оно представляется проще, обыкновеннѣе.
Кромѣ того, не менѣе со стороны пастыря нужно вниматель-
ности и къ тѣмъ лицамъ, которымъ онъ хочетъ преподать
таинства. Ибо священникъ столько же, если не болѣе, бы-
ваетъ виновенъ, если допускаетъ недостойнаго къ принятію
таинствъ, какъ и самъ тотъ, кто недостойно принимаетъ ихъ.
Въ такомъ случаѣ пастырь поступилъ бы прямо вопреки
воспрещенію Спасителя *„не метать бисеръ предъ свиніями“*.
Не менѣе виновнымъ онъ становится и въ томъ случаѣ,
если допускаетъ къ таинству безъ надлежащихъ предвари-
тельныхъ наставленій, объясняющихъ важность и святость
его. Здѣсь особенно труднымъ для пастыря представляется

то, какъ внушить уму невѣжественному и неопытному высокія понятія о спасительномъ значеніи таинствъ, которыя неистощимы для умовъ очищенныхъ вѣрою и благодатію. А безъ подобныхъ внушеній угрожаетъ опасность, что таинство будетъ принято не болѣе какъ простой обрядъ. Но главное, что особенно требуетъ усилій отъ священника, какъ совершителя таинъ, это есть духъ самоотверженія, которымъ долженъ быть преисполненъ служитель благодати. Еслибы кому случилось видѣть, что ближній подвергается опасности жизни, не поспѣшилъ ли бы онъ къ несчастному на помощь, быть можетъ, съ опасностію собственной жизни? То, что для обыкновенныхъ членовъ общества есть дѣло особенной неустрашимости и примѣрной любви къ ближнимъ, для пастырей Церкви составляетъ обязанность. Всѣ пасомые стремятся въ бездну смерти духовной, и избавить ихъ отъ этой смерти не другой кто можетъ, какъ пастырь, извлекающій ихъ изъ бездны грѣха и погибели силою благодати. Конечно, этотъ пастырскій трудъ не всегда соединенъ съ самопожертвованіемъ, но истинный пастырь всегда долженъ быть готовъ къ тому, чтобы принести свое внѣшнее благосостояніе въ жертву спасенія своихъ пасомыхъ. Въ жизни много встрѣчается внезапныхъ случаевъ, когда нуженъ священникъ или для крещенія слабаго или для напутствованія больного,—и ни суровость зимы, ни зной лѣта, ни мракъ ночи, ни разстояніе мѣста, ни трудности пути не должны останавливать пастыря: онъ обязанъ по первому извѣстію спѣшить къ своему долгу. А во время заразительныхъ болѣзней сколько со стороны священника нужно мужества, чтобы постоянно быть среди мертвыхъ и умирающихъ имѣть непрестанно предъ очами образъ смерти, напутствовать умирающихъ, молиться за умершихъ, плакать съ плачущими сиротами, ободрять трещащихъ заразительной болѣзнію, возстановлять порядокъ среди общаго смятенія и ужасовъ заразы. И все это не болѣе какъ существенная и необходимая обязанность пастырей, за уклоненіе отъ которой они должны будутъ воздать отвѣтъ Богу въ день судный.

в) Что касается до обязанности пастыря управлять паствою, то, кажется, при исполненіи этой обязанности болѣе нежели при исполненіи двухъ предыдущихъ пастырь мо-

жеть встрѣтить недоразумѣній и затрудненій. Одно уже то, что права власти пастырской не всегда и вездѣ строго опредѣлены и весьма много зависятъ отъ обстоятельствъ мѣста и времени, дѣлаеть чрезвычайно затруднительнымъ духовное властительство. Во всякое время оно необходимо поставлено въ соприкосновенность съ гражданскою властію, — и здѣсь со стороны пастырей сколько требуется осторожности и искусства, чтобы не присвоить себѣ непринадлежащаго и въ тоже время не утратить существенныхъ своихъ правъ. Нужно не только соображаться съ требованіями власти гражданской, но даже иногда подчиняться ей, чтобы соблюсти миръ, необходимый для благосостоянія той и другой власти и цѣлаго общества; но съ другой стороны пастырямъ прилично стоять выше всѣхъ временныхъ разчетовъ, чтобы сохранить неземной характеръ своего властительства. Тогда какъ власть гражданская тверда силою внѣшнихъ своихъ побужденій и взысканій и обладаетъ подчиненными по праву сильнаго; власть духовная тогда только сохраняетъ свою силу, доколѣ не утратила своего нравственнаго вліянія на своихъ подчиненныхъ. А это вліяніе, хотя главнымъ образомъ зависитъ отъ нея самой и тѣхъ средствъ, которыми она дѣйствуетъ, однакоже нерѣдко расширяется или ограничивается свободною волею членовъ Церкви, ей подчиненныхъ. „Священникъ, замѣчаетъ св. Златоустъ, можетъ повелѣвать и властвовать только надъ тѣми, которые добровольно подчиняють себя его управленію. А это не такъ скоро можетъ случиться. Ибо если кто и позволяетъ управлять надъ собою, но какъ скоро слышитъ обличеніе и увѣщаніе, скорбитъ о томъ, что подчинился обличителю. Когда я хочу наказать лѣшваго и безпечнаго, и отлучаю его отъ Церкви и общественныхъ молитвъ, онъ скорбитъ, но не о томъ, что лишастся сего, а о томъ, что чувствуетъ стыдъ предъ другими“. „Священникъ не можетъ повелѣвать полновластно. Если онъ вѣзмъ очень трогается, его называютъ привязчивымъ; если же мало, холоднымъ. Онъ долженъ примирить сіи двѣ крайности, чтобы не возбудить или презрѣнія къ себѣ или ненависти. Иначе всѣ дѣла придуть въ безпорядокъ. Сколько онъ, противъ желанія и старанія своего, оскорбитъ людей? Сколько многимъ долженъ показать себя суровымъ“. Ясно видно, что со стороны пастыря нужна

вся сила благоразумія, чтобы сохранить свое нравственное вліяніе надъ своими подначальными, а также нужна великая осторожность, чтобы его влательство не обратилось во вредъ для нихъ. Надобно имѣть снисходительность, но не до послабленія; нужно сохранять и строгость, но не до жестокости. Съ любовію отеческою принимать тѣхъ, которые преклоняютъ выю, обремененную грѣхами; величіемъ сана обуздывать тѣхъ, которые въ ослѣпленіи гордости хотятъ стать за предѣлами влательства духовнаго; безъ пристрастія раздѣлять дары и обѣтованія милосердія Божія, безъ излишества преслѣдовать угрозами гнѣва Божія, не столько обнаруживать влательскія права, сколько выражать христіанское состраданіе и участіе. „Пастырь, по слову Златоуста, долженъ быть разнокачественъ, но не лукавъ, не льстецъ, не лицемѣръ; ему должно быть добрымъ, но вмѣстѣ и суровымъ. Никакъ нельзя обходиться со всеми подначальными одинаковымъ образомъ, подобно какъ врачамъ нельзя лечить всехъ болѣзней одинакимъ образомъ“. Или по слову св. Григорія Двоеслова, „сокрывши свое достоинство, онъ долженъ съ одной стороны почитать себя равнымъ тѣмъ изъ пасомыхъ, кои провозждаютъ жизнь добродѣтельную, а съ другой—обнаруживать свое величіе, когда ревность по правдѣ заставляеть его осуждать порочныхъ“. Отсюда можно видѣть, сколько требуется осмотрительности, чтобы пользоваться властію къ созиданію, а не къ разоренію. Здѣсь каждое излишество, самая малая неосторожность можетъ служить началомъ сомнительныхъ отношеній между пастыремъ и пасомыми. Ибо неосмотрительное употребленіе власти можетъ показаться для неопытныхъ злоупотребленіемъ ея, посягать въ нихъ недовѣрчивость къ пастырю и ослабить ихъ повиновеніе ему. „Судопроизводственная часть, говоритъ св. Златоустъ, соединена съ премногими тяжестями и трудностями, какихъ не испытываютъ гражданскіе суды. Не легко найти справедливость, трудно и найденную сохранить неприкосновенною. Какую скорбь чувствуютъ пастыри, когда должно отлучить кого-нибудь отъ Церкви? Но кромѣ скорби здѣсь предстонтъ еще великая опасность. Опасно, чтобы сверхъ мѣры наказанный не подвергся тому, о чемъ пишетъ Павелъ, дабы не поглощенъ былъ чрезмѣрною печалію. Почему и въ семь случаевъ требуется строгая разборчивость,

дабы то самое, что дѣлается для пользы, не причинило большаго вреда“.

3) Кромѣ указанныхъ затрудненій, которыя пронестекають частію отъ свойства самыхъ пастырскихъ обязанностей, частію отъ слабости и ограниченности человѣческой природы, есть много другихъ, болѣе опасныхъ, которыми хотять ослабить духъ пастырей открытые враги ихъ званія и служенія. Злосчастна участь пастырей, когда міръ есть врагъ ихъ, различнымъ образомъ старающійся низложить ихъ. Спаситель сказалъ первымъ и послѣднимъ въ мірѣ пастырямъ: *„Вы нѣсте отъ міра. Аще отъ міра бысте были, міръ уже свое любилъ бы. Но Азъ избралъ васъ отъ міра: сего ради ненавиждитъ весь міръ. Въ міръ скорбни будете“*. Не трудно понять, о какомъ мірѣ говоритъ здѣсь Спаситель. Это тотъ страшный исполинъ, окруженный толпою предразсудковъ, заблужденій, худыхъ навыковъ, несправедливостей и притѣсненій, который хочетъ все подчинить себѣ и грозить подавить своею тяжестью все, что не хочетъ подчиниться ему. Во всякое время есть усердные ему служители, которые попирая вѣру, проповѣдую нечестіе, расширяя царство порока, хотять, чтобы все мыслили ихъ злохудожнымъ умомъ, говорили ихъ ядовитымъ языкомъ, дѣйствовали подъ ихъ вреднымъ вліяніемъ. Неудивительно, что пастыри Церкви прежде всѣхъ обращаютъ ихъ злобу противъ себя; потому что сами безбоязненно и открыто возвышаютъ голосъ свой противъ нихъ. Сколько отсюда гоненій, упиженія, притѣсненія! низвергается на главу истиннаго пастыря. Чѣмъ будетъ онъ безукоризненнымъ, тѣмъ для рабовъ міра ненавистнѣе; его кротость будетъ имъ досаждать; его терпѣніе ихъ раздражать; его добродѣтели будутъ причиною ихъ злобной печали; приверженность, какую люди добрые возимъютъ къ нему, похвалы тѣхъ, кои отдадутъ ему справедливость, возбудитъ въ его врагахъ ожесточеніе противъ него. Послушаемъ еще, какъ описываетъ гоненія на истиннаго пастыря со стороны міра тотъ Златословесный Пастырь, который самъ палъ жертвою его хитрости и злобы. *„Жизнь пастыря дѣлается предметомъ толковъ для всѣхъ: и мудрые и глупые свободно судять о немъ. Одни завидуютъ ему, многіе его ненавидятъ. Ты скажешь, что онъ почтенъ честію. Какою же честію, когда даже не стоящіе вниманія нищія на площади терзають его*

пересудами? Никто не боится его обвинять и осуждать. Душа священника нисколько не бозопаснѣ корабля колеблемаго волнами; даже она гораздо сильнѣйшими обуревается волнами, нежели какія воздымасть вихрь на морѣ. Ибо со всѣхъ сторонъ окружають пастыря люди, готовые уязвлять его и поражать и не только враги и зложелатели, но многіе и изъ тѣхъ, которые притворно принимаютъ на себя видъ его друзей. Такимъ образомъ душа священника отвсюду поражается отъ друзей и отъ враговъ, отъ своихъ и отъ чужихъ“. Вотъ каково положеніе добраго пастыря въ мірѣ, положеніе тѣмъ болѣе тягостное и опасное, что онъ не принадлежа міру, никогда однакоже не долженъ чуждаться его, но привязанъ къ нему узами своего служенія. Онъ столько-же обязанъ не предаваться міру и не раболѣпствовать ему, сколько долженъ стараться внести въ него свое доброе вліяніе или по крайней мѣрѣ свое стадо блюсти цѣлымъ отъ его тлетворнаго духа. Ап. Павелъ, предрекая появленіе такихъ людей, которые *„здраваго ученія не дослушаютъ, отъ истины слухъ отвратятъ и къ баснямъ уклонятся“*, побуждасть Тимоѳея къ благоразумію и терпѣнію *„ты же трезвися о всемъ, злопостражди“*, но не только не позволяетъ ему уклоняться отъ возложеннаго на него служенія, а напротивъ требуетъ, чтобы онъ старался содѣлать его извѣстнымъ среди самыхъ людей печетивныхъ: *„бгдо сотвори благоутѣстника, служеніе твое извѣстно сотвори“*. Внимая апостольскому наставленію, истинный пастырь не столько огорчается тѣмъ, что онъ подверженъ непамясти злыхъ; сколько скорбитъ объ ослѣпленіи душъ, вооружающихся противъ него, которыя тѣмъ болѣе возбуждаютъ въ немъ участія, чѣмъ меньше остается въ нихъ надежды ихъ собственнаго спасенія. Онъ еще простираетъ на враговъ своихъ пастырскія попеченія — по въ то же время бдитъ надъ ввѣренною ему паствою, оберегая ее отъ волковъ, скрывающихся нерѣдко въ одеждѣ агнцевъ. Здѣсь-то открывается торжество служенія пастырскаго, но торжество, требующее отъ пастыря обширныхъ знаній, тонкаго искусства и немовѣрныхъ усилій. Онъ могъ бы спасти себя, удалившись отъ міра, гдѣ такъ много угрожаетъ ему опасностей; но онъ, самъ гонимый міромъ, хочетъ спасти не только пасомыхъ, но и самыхъ враговъ своихъ. Здѣсь са-

мое усиліе похвально, а успѣхъ выше всякой похвалы. „Если кто станетъ, замѣчаетъ касательно сего св. Златоустъ, превозносить подвигъ пребыванія внутри себя и удаленія общества съ людьми,--я и самъ соглашусь назвать его очевиднымъ опытомъ терпѣнія, но еще не почитаю достаточнымъ свидѣтельствомъ мужества душевнаго. Управляющій кормиломъ внутри пристани еще не доказываетъ хорошо своего искусства; по того, кто среди моря, во время бури, умѣлъ спасти корабль, никто не можетъ не пазвать искуснымъ кормчимъ“.

Тогда какъ міръ возстаетъ противъ правилъ и жизни христіанской, въ нѣдрахъ самой Церкви нерѣдко появляются другого рода враги ея, которые стараются поколебать ее въ самомъ ея основаніи: это еретики. Вооружаясь противъ истинъ вѣры, они открываютъ гоненія и противъ истинныхъ учителей ея. И пастыри отнюдь не должны уклоняться отъ ратоборства съ противниками истины и защитниками ея. Примѣръ древней Церкви показываетъ, что какъ скоро появлялась какая либо ересь, каждый пастырь вмѣнялъ себѣ въ обязанность возвышать голосъ свой противъ ея и писать въ защиту истины. Съ другой стороны, примѣръ же древней Церкви показываетъ, сколь великаго дѣла это требуетъ труда и съ какими сопряжено оно опасностями для пастырей Церкви. Довольно вспомнить здѣсь одного Аванасія Великаго, котораго злоба еретиковъ неоднократно лишила пастырскаго престола и подвергала нуждамъ и бѣдствіямъ заточенія. Намъ скажутъ, что въ наше время хотя еще не прекратилась ересь и расколы, но крайней мѣрѣ нѣтъ подобныхъ опасностей для защитниковъ истинной вѣры. Правда, нынѣ нѣтъ тѣхъ вѣршнихъ насилій, какія претерпѣли древніе исповѣдники вѣры православной; но за то сколько нынѣ появляется лицеобразованныхъ противоборниковъ ея, которые хотя не возстаютъ противъ вѣршняго благосостоянія пастырей, но обращаютъ стрѣлы своего остроумія противъ ихъ познаній и убѣжденій, и стараются представить скудость ихъ ума и просвѣщенія, стремятся поколебать общую къ нимъ довѣренность, отворотить души неопытныхъ отъ послушанія имъ, и свои мудрованія поставить предметомъ общаго поклоненія. И надобно замѣтить, что чѣмъ образованнѣе паства, тѣмъ для пастыря болѣе труда

поддержатъ въ лицѣ своемъ достоинство вѣры, проникнуть злоухищренія поклонниковъ разума и, не раздражая ихъ, изложить все ихъ мудрованія. А трудъ этотъ сколько тяжелъ, столько и необходимъ: ибо каждый успѣхъ лжемудрователей угрожаетъ опасностію вѣрѣ и Церкви, и посрамленіемъ для пастырей, какъ блюстителей чистоты вѣры.

Но упоминая о врагахъ Церкви и пастырей ея видимыхъ, мы не можемъ умолчать о томъ врагѣ невидимомъ, который издревле возсталъ противъ Церкви Божіей на землѣ и дѣйствуетъ во всѣхъ прочихъ врагахъ ея. Если Церковь на землѣ называется воинствующею, то главнымъ образомъ въ отношеніи къ этому главному врагу, который силится поколебать ее въ основаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что вся ненависть и злоба этого врага обращается преимущественно на предстоятелей Церкви Божіей, какъ потому, что ихъ палочу поручено ея благочестіе, такъ и потому, что прежде и болѣе прочихъ вооружаются противъ него, и лучше другихъ понимаютъ его злоухищренія. „Симоне, Симоне, — говоритъ Спаситель Ап. Петру, — се сатана проситъ всѣхъ, дабы съялъ яко пшеницу“. Опасность, угрожавшая апостоламъ, касается и ихъ преемниковъ. Врагъ рода человѣческаго знаетъ, что если разбѣжятся пастыри, разбѣются овцы. Потому, какъ первоначально старался разсѣять апостоловъ, такъ и въ послѣдствіи неоднократно успивался стереть съ лица земли истинныхъ пастырей Церкви, воздвигая на нихъ то вѣщія гоненія, то расторгая согласіе и посеивая раздоръ между ними и ихъ пасомыми. Сколько же со стороны пастырей нужно некуества, чтобы вѣрно различать козни врага, который дѣйствуетъ всегда невидимо и всегда хитро? Сколько благоразумія и мужества, чтобы ополчиться на брань противъ него и выдти изъ нея побѣдителемъ. Не за себя и не за свою безопасность только должны ратовать здѣсь пастыри Церкви: но поелику цѣль дѣйствій вражійхъ — погнѣбь человѣческихъ душъ, то цѣль противоборствованія пастырей — исторгать погнѣбающихъ изъ челюстей ада. Мы не можемъ постигнуть всей трудности этой борьбы со врагомъ спасенія, и потому послушаемъ лучше, какъ изображаетъ ея ужасы великій пастырь, бывшій вождемъ своей паствы въ этой бранѣ, хотя въ началѣ желалъ уклониться отъ нея. „Представимъ себѣ войско, состоящее изъ пѣшихъ и мор-

скихъ силъ. Пусть покроютъ море корабли и всѣ поля и горы будутъ заняты войсками. Пусть выстроятся противъ нихъ непріатели дикіе и неукротимые. Вообразимъ, что настаетъ уже и время сраженія, и что тогда кто-нибудь, взявъ юношу, оденетъ бы его въ доспѣхи, и показавъ ему воинскіе отряды, рассказавъ вѣрно всѣ ужасы войны, прибавивъ къ тому бѣдствія плѣна и рабства—тягчайшія смерти, — предложитъ бы ему садиться на коня и принять начальство надъ всѣмъ войскомъ. Но не думай, что я возвышаю предметъ однимъ словами. Если бы ты когда могъ видѣть глазами своими это мрачное ополченіе міродержителей тьмы вѣка его и ихъ неистовое нападеніе, ты увидѣлъ бы несравненно величайшую и ужаснѣйшую битву, нежели о какой мы упоминали. Тутъ не мѣдь, не колесницы, не огонь и стрѣлы, но болѣе страшные снаряды. Одинъ взглядъ на сіе ужасное войско можетъ ослабить душу, если она не будетъ имѣть великаго мужества, не будетъ сильно защищена Промысломъ Божіимъ. Еслибъ можно было видѣть всѣ вооруженія діавола и его битву съ нами; мы увидѣли бы не потоки крови, не мертвыя тѣла, но умерщвленіе душъ столь страшное и раны столь тяжкія, что всякая другая война покажется не войною, а шуткою. Если же захочешь узнать и образъ его нападенія, найдешь, что оно гораздо сильнѣе и разнообразнѣе. Обманъ и коварство во всѣхъ видахъ никому столько не извѣстны, какъ сему злодѣю. Никто не умѣетъ такъ скрытно утаивать злобу свою отъ враговъ своихъ, какъ умѣетъ скрыть лукавыи ненависть къ роду человѣческому. Если представить самыхъ лютыхъ и неукротимѣйшихъ звѣрей, по сравненію съ нимъ они покажутся смиренными и кроткими. Въ борьбѣ съ нимъ необходимо избрать одно изъ двухъ: или пасть и погибнуть безоружному, или непрерывно стоять и бодрствовать въ вооруженіи. Ибо врагъ этотъ стоитъ безсмысленно во всеоружіи своемъ, наблюдаетъ, не предадимся ли мы безопасности, и гораздо болѣе заботится о нашей гибели, нежели мы о своемъ спасеніи. А что онъ невидимъ нами и нападаетъ внезапно, это дѣлаетъ войну съ нимъ гораздо труднѣйшею, въ сравненіи съ войною видимою. И ты желаешь, чтобы въ такой войнѣ я начальствовалъ надъ воинами Христовыми“.

Такъ многочисленны и такъ велики трудности, съ кото-

рыми сопряжено поприще служенія пастырскаго. Отсюда можно понять справедливость замѣчаній нѣкоторыхъ церковныхъ учителей, что служеніе пастырское труднѣе всѣхъ обязанностей и подвиговъ, какіе только принимаютъ на себя люди. Св. Григорій Двоесловъ говоритъ, что должности пастыря составляютъ такой трудъ, который „превышаетъ силы ангеловъ“. А блаженный Августинъ замѣчаетъ вообще, что „въ этой жизни ничего нѣтъ тяжелѣе, труднѣе, опаснѣе должности епископа, пресвитера и діакона“.

Сергій, Митрополитъ Московскій.
